

ОКАЗАТЬ ДОВЕРИЕ.

ДУПАКА

Если бы не он, не было бы знаменитой Таганки

«...Главное управление культуры. Приказ. 2 ноября 1981 г. Москва. № 326-а.

...Несмотря на предупреждения Главного Управления Культуры о персональной ответственности руководства театра, 30 сентября с.г. в Театре драмы и комедии вновь состоялась телекиносъемка репетиции, а 31 октября публичный показ спектакля, посвященного памяти В. Высоцкого, не принятого и не разрешенного к исполнению Главным управлением культуры, что является грубым нарушением решения исполкома Моссовета № 14/5 от 24 марта 1970 года...

- За грубое нарушение установленного порядка приема и показа новых постановок, приказываю:
1. Директору Театра драмы и комедии тов. Дупаку Н. Л. и главному режиссеру театра тов. Любимову Ю.П. объявить строгий выговор.
  2. Предупредить руководство театра, что в случае неподчинения приказу ГУК, будет решен вопрос об их дальнейшей работе в театре...

Дарья АКИМОВА

Такие бумаги выпускались со штемпелем «для служебного пользования» неоднократно за те 27 лет, что директором Таганки был Николай Дупак. Если бы не Дупак, Таганки бы не было. Со словами «Это то, что сейчас нужно» директор Нового театра драмы и комедии в 1964 году пригласил в театр (где работали режиссерами Александр Плотников и Петр Фоменко, но зрителей бывало меньше, чем актеров на сцене) уже прославившийся «Добрый человек из Сезуана» выпуск Шукшинского училища. Во главе «шукшинцев» был уже известный тогда актер и начинающий сорокалетний режиссер Юрий Любимов.

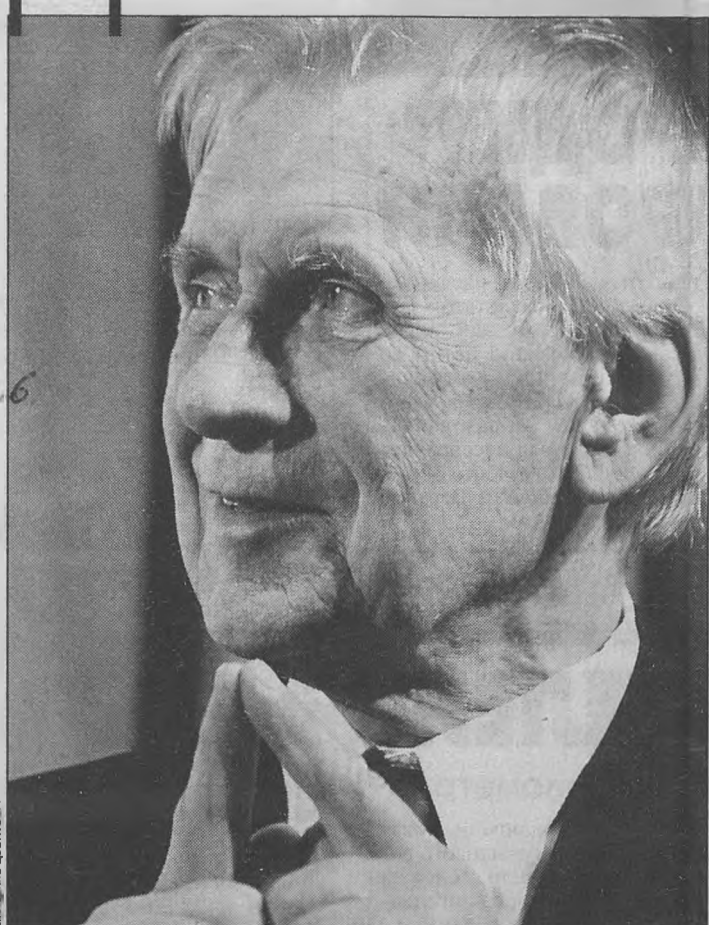
Если бы не Дупак, Таганка существовала бы очень недолго: умение директора сглаживать острые углы и находить разумные компромиссы с властями не раз спасало вальдоловского Любимова и труппу. Защищая театр на Таганке, Дупак заработал инфаркт и несколько сердечных приступов. Жизненный принцип Николая Лукьяновича: «Никого не нужно обижать». Дупак и Любимов были почти идеальной творческой парой: категорически не совпадая по темпераментам, они уравновесили хрупкую лодку под названием «Театр на Таганке». Пристрастные люди говорят, что «лодка» перевернулась после того, как грести в ней перестал Николай Дупак. Только что ему исполнилось восемьдесят.

мольных спектаклях Таганки: «И вам не стыдно участвовать в этом безобразии?» Она же безапелляционно повелела Таганке сделать концерт ко дню рождения Ленина. Однако другие припоминают, что в этом концерте по ее решению участвовал Шостакович, а начали вечер с музыки Вагнера.

— Вы не жалеете, что занимались административной работой, а в кино, допустим, чего-то не сыграли?

— Я отказывался от ролей, ради которых нужно было надолго оставлять театр. Но мне было приятно делать людям добро. Старался, чтобы актеры могли заработать деньги на концертах, чтобы им было удобно и дома, в быту: машина, квартира... За все «мое» время мы получили 115 квартир! И это тогда, когда их распределяли на уровне горкомов партии! По моей инициативе проектировали наш новый театральный комплекс. Я придумал открыть в театре окно десять метров на четыре, через которое можно было выйти на Садовое кольцо. Мы трансформировали не только сцену — зрительный зал, потолок, кран-балка ходил туда-обратно.

Ветхое и, естественно, неудобное здание старого «электротeatра», которое не ремонтировалось с 1912 года, нужно было перестраивать, а денег не было. Дошло до того, что одно из старых зрительских кресел, в которых, по слухам, жили клопы, Дупак отвез по совету Любимова прямо в Моссовет на заседание и сказал: «Дайте нам

Евгений ЦЕЛКОВСКИЙ

ВЕРНУТЬ

тре не работает», — сказал он. А я... не знаю, что мне делать. И решил: 9 мая у меня встреча с фронтовыми друзьями — как они скажут, так и поступлю. У меня на Бронной тогда прекрасно все шло! В театр пришли удивительные актеры (Даль, Петренко, Любшин, Высоцкий собирался переходить...), пять новых спектаклей, гастроли! К тому же я стал хоть немного бывать дома, с родными, они были довольны: ни инфарктов, ни выговоров... А мои фронтовики меня уговорили вернуться. Тут и Брежнев решил: «Оказать доверие. Дупака вернуть». Никакого бюро на этот раз не было, просто сделали «рокировку», и Коган стал работать в Театре на Малой Бронной.

— Николай Лукьянович, а строчки Высоцкого: «Быть или не быть мы зря не помарали. // Конечно, быть, но только начеку. // Вы помните, конструкции упали? // Но живы все, спасибо Дупаку» — это действительно было?

— Было. В «Гамлете» мы сделали уникальное оформление сцены — с нами работал один из лучших в мире театральных художников Давид Боровский. Для нас конструкторское бюро Миля сделало легкий подвижный занавес. И вот во время сцены похорон Офелии рабочие вручную таянут конструкцию, что-то там заедает, и она падает. Если бы она была тяжелой (не 360 килограммов, как по моему предложению сделали, а 5 тонн, какой она стала позже), неизвестно, кто бы остался жив. И Высоцкий написал эти строчки.

Ему вообще было интересно все, что происходило в театре! Он мне всегда помогал — даже в строительстве. Володя с удовольствием соглашался ездить на завод в Видное, выступать для рабочих. Однажды, когда мы выступление закончили, задержались в дирекции. А уходя, прочли лозунг на стене: «Заказам Театра на Таганке — зеленую улицу!»

— Вы поэтому посоветовали Высоцкому поработать рабочим сцены, когда его увольняли-востанавливали в очередной раз — об этом вспоминал Золотухин?

— Ну, Золотухин человек очень талантливый, и его спорные мемуары это тоже касается: там, как у любого таланта, все пропущено «через себя». Но на самом деле Володя сам меня попросил показывать его таким образом. Он понимал, что на все его безобразия, после многочисленных выговоров и разборов я останусь в театре — вот что для него было важно.

— Вы очень тепло отзывались о Людмиле Васильевне Целиковской (бывшая жена Любимова. — Д. А.). Как вы вообще относитесь к ситуации, когда жена и муж работают в одном театре?

— Если люди талантливы, то хорошо. Пусть они дополняют друг друга. А если это жена, которая существует в театре потому, что муж талантлив, и претендует на ведущие роли... А ансамбль

Любимов — Целиковская был потрясающей командой! Я считаю, что Людмила Васильевна оказала очень положительное влияние на Юрия Петровича, это были первые самые счастливые восемь лет, мы дружили, отдыхали вместе, ходили друг к другу в гости... Я наблюдал их «изнутри». Она была удивительно умна и находила совершенно неожиданные решения наших театральных проблем, хотя никогда напрямую не вмешивалась в дела Таганки — знала взрывной характер мужа. Она могла найти людей, чтобы восстановить очередной зарубленный Реперткомом спектакль. Она могла сказать во время нашего очередного конфликта режиссера и директора: «Не обращай внимания, это у него пройдет». Она могла изящно предложить новую идею. Она заботилась о Любимове, успокаивала его, когда было нужно.

— Что вы можете сейчас пожелать Любимову?

— Чтобы он подольше творил — он человек крепкий, спортивный, а возраст — это для художника не проблема. Только он не прав в одном: нельзя, особенно в коллективном творчестве, игнорировать окружающих. Это художник или композитор остается один на один со своим холстом или роелем. А режиссер без актера, какой бы он ни был гениальный, существовать не может. Режиссеры, которые увлекаются и все берут на себя, не правы.

Ленинград, апрель, 1965. В доме книголюбца, директора книжного магазина «Гренада» Геннадия Рахлина. Слева направо: Юрий Любимов, Николай Дупак, Вениамином Смухов, Владимир Высоцкий. Первые гастроли Таганки в Ленинграде

Досье «ВМ»

Николай Дупак родился в 1921 году в Донецкой области. В 15 лет оказался в Таганрогском театре: сыграл мальчика из «Бородина» («Скажи-ка, дядя...»). А Юрий Зовадский заметил его и пригласил в театрального училища в Ростов-на-Дону. Во время войны Николай Дупак сражался в шестом гвардейском кавалерийском корпусе, был трижды ранен, потерял своего коня Кавалера, который, умирая, спас ему жизнь. Снимался в фильмах: «Сорок первый» Чухрая, «Ермак», «Баллада о доблестном рыцаре Айвенго», «Интервенция», «Будни уголовного розыска» и др. Работал директором Театра на Таганке (1963–77; 78–90) и Театра на Малой Бронной (77–78). Женат, две дочери, внук и внучка.

Чиновники робели и интересовались: «А она и спереди тоже открыта?». Нина Шацкая (Маргарита) в «Мастере и Маргарите»

— Один наш известный актер едко сказал: «Закопали Шукшина — и дали Ленинскую премию, закопали Высоцкого — и выдвинули на Госпремию...» У нас действительно любят только после смерти?

— Одно дело — признание властей, другое — признание зрителей. Власть все новое, непривычное пугает, лучше запрещать и не пушать. В моей практике ни один официальный чиновник от искусства, от которого зависит судьба артиста, концерта, спектакля, ни разу не был наказан за то, что «запретил». Ни разу!

— Юрий Любимов в своей книге написал: «Они» (чиновники) ничего не понимали: представители заводов, фабрик и так далее. Большинство из них и в театре-то никогда не были». А вы «хороших чиновников» встречали?

— Сколько угодно! Бывший начальник управления культуры Мосгорисполкома Борис Евгеньевич Родионов — он был настоящим амортизатором и гасил те невероятные встряски, которым подвергался Театр на Таганке. С начальством Таганского района у нас как-то сразу сложились отношения — нам повезло, потому что после того как в Москве по-новому распределили границы районов, мы оказались вне власти Кировского начальства. Оно-то действовало исключительно по принципу «как бы чего не вышло».

Надо сказать, я был почти влюблен в Екатерину Алексеевну Фуршеву. Она была очень симпатична, а ее речи на собраниях-коллегиях всегда были более чем убедительны. Она хоть и критиковала, но обижаться на нее было трудно. Она ведь тоже зависла от «вышестоящих». Теперь модно говорить, какой ужасной была Фуршева. Но для меня она осталась иной — я ведь был знаком с ней, еще когда служил в Театре Станиславского.

И тогда, и сейчас знаменитую женщину-министра воспринимали по-разному. Многие вспоминают ее баснословное каракульское манто и коронную фразу о кра-

хоть какие-то деньги, а то зритель на клопов жалуется!» Директора из Моссовета выгнали, но деньги дали.

— В 1977 году вы ушли из театра. Почему?

— Юрий Петрович пожелал стать и художником, и директором. И это при том, что у нас были прекрасные не только деловые, но и личные отношения — все-таки четырнадцать лет вместе! И я сказал: «Честь имею», снял свой портрет со стены в фойе, сел в машину (у меня тогда была «Волга») и уехал. Было это под старый Новый год, в страшный снегопад...

В 1977-м я снимался сразу в трех фильмах и решил «завязать» с административной работой. Но тут мне позвонил мой друг Михаил Зайцев: «Коля! Мы с Андрюшей Гончаровым уходим в Маяковку — ты не можешь прийти в Театр на Малой Бронной?» И я согласился. Было очень долгое бюро горкома — меня снимали с должности на Таганке, утверждали на Бронной... А Илья Ароневича Когана (он тогда работал в ТЮЗе) назначили на Таганку. Как только он оказался там, к нему пришли наши строители и сказали: «Нам нужны две машины бетона». А он ответил: «А я здесь при чем? Это Дупак любил заниматься строительством», — и рабочие ушли через день, а стройка замерла.

Гастроли Таганки в Париже в 78-м году прошли не очень удачно: парижане не пошли на некоторые спектакли, и Юрий Петрович захотел их сразу же снять — это нормальное желание! Но репертуар гастролей был уже утвержден, и Коган тут же завел разговор о дисциплине, о нарушении Инструкции... Театр чуть не закрыли. Дошло до уровня генсека. И тут Любимов написал свое знаменитое письмо «Окажите доверие художнику», в котором, помимо всего прочего, просил вернуть в театр Дупака.

Любимов позвонил мне: «Нужно поговорить». Мы встретились. «Мне на вас наговаривали, но этот человек больше в теа-